

Г. Н. МОИСЕЕВА

**О ФОРМИРОВАНИИ СТИЛЯ РУССКИХ ПОВЕСТЕЙ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА**

(Роль переводных курантов XVII века)

Литературный стиль повестей первой трети XVIII в. давно уже привлекал внимание исследователей русской литературы. Определение его характера давало основание установить степень оригинальности этих произведений или же показать их зависимость от «иноземных образцов».¹

Анализ поэтического языка таких произведений начала XVIII в., как «Гистория о российском матросе Василии Кариотском», «Гистория о российском купце Иоанне», произведенный В. Н. Перетцем, отчетливо показал, что «стиль любовных обращений, писем, вставных арий» сложился под воздействием итальянской и французской литератур, пришедших в Россию через посредство Польши.² Характерными признаками этого стиля является повышенная эмоциональность любовной фразеологии: любовь «яко огонь», она «сжигает» «горячим пламенем» героя (или героиню); Купидон «стреляет» в сердце и «сладко уязвляет» его; от красоты Ираклии, героини «Гистории о российском матросе Василии Кариотском», Василий «паде на землю», любовная печаль «во гроб вселяет» Елеонору — героиню «Гистории о российском кавалере Александре», умирает от любви и юная цесаревна из «Гистории о некоем шляхецком сыне».

Современный исследователь Рената Лахман полагает, что любовная тема в русской литературе начала XVIII в. нашла отра-

¹ Сухомлинов М. И. История о славном и храбром Александре, кавалере российском. — Библиотека для чтения, СПб., 1858, № 12, с. 1; Пыпин А. Н. Библиографический список рукописных романов, повестей, сказок, поэм и пр., в особенности из первой половины XVIII века. М., 1888, с. VIII.

² Перетц В. Н. Очерки по истории поэтического стиля в России. (Эпоха Петра Великого и начало XVIII в.). — ЖМНП, 1906, июнь, ч. III, с. 390—391.

жение в стилевом направлении рококо, что и объясняет ее характер.³

Литературный стиль повестей начала XVIII в. отражает не только новую фразеологию, выражающую любовные чувства героев. В так называемых повестях петровского времени значительное место занимает описание различных европейских и восточных стран, где происходят события. Авторы с большим вниманием останавливаются на характеристике поведения литературных героев, подробно раскрывая их поступки в различных жизненных обстоятельствах.

Что послужило источником повествовательной манеры, столь отличной от литературного стиля повестей предшествующего времени? Именно стиль произведений позволял Л. Н. Майкову говорить о принципиально новых чертах повестей петровского времени.⁴

Нам представляется важным указать на роль переводчиков Посольского приказа в формировании литературного языка второй половины XVII—начала XVIII в.

Посольский приказ в XVII в. являлся центром литературной жизни Москвы.⁵ При Посольском приказе с начала XVII в. осуществлялся перевод на русский язык западноевропейских известий — «вестовых писем».

В настоящее время впервые осуществлено полное научное издание рукописных вестей — курантов,⁶ что дает возможность показать, что не только фактические сведения, сообщаемые в этих переводных известиях, оказали влияние на литературные про-

³ Lachman Renate. (Köln). Pokiń, Kupido, strely. Bemerkungen zum Topik der russischen Liebesdichtung des 18. Jahrhunderts. — Slavistische Studien zum VI Internationalen Slavistenkongress in Prag 1968. München, 1968, S. 458—459.

⁴ Майков Л. Н. Неизвестная повесть Петровского времени. — ЖМНП, 1878, ч. СС, с. 194—195.

⁵ Каган М. Д. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, с. 248—254; Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, с. 247—272; Русская версия 70-х годов XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном. — ТОДРЛ, т. XIV, М.—Л., 1958, с. 309—315; Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. — ТОДРЛ, т. XV, М.—Л., 1958, с. 225—250; «Титулярник» как переходная форма от исторического сочинения XVII в. к историографии XVIII в. — ТОДРЛ, т. XXVI, Л., 1971, с. 54—63; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVIII века). — Книга. Исследования и материалы. Сб. VIII. М., 1963, с. 179—244; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 34—63.

⁶ Вести-куранты. 1600—1639 гг. Издание подготовили Н. И. Тарбасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина. Под редакцией С. И. Коткова. М., 1972. — Выражаю сердечную признательность С. И. Коткову за разрешение ознакомиться с материалами подготовленного под его редакцией издания «Вести-куранты» до выхода книги из печати.

изведения конца XVII — начала XVIII в., но и стиль повествовательных сочинений того времени испытал влияние языка деловой прозы курантов.

Рукописные куранты (или «вестовые письма») XVII в. являлись сводом печатных и рукописных известий, полученных из европейских стран и переведенных на русский язык толмачами Посольского приказа. В курантах помещались сведения о политических событиях, происшедших во Франции, Германии, Англии, Польше, Австрии, Силезии, Голландии, Италии, Венгрии и других странах. Кроме того, здесь же сообщалось и о «куриозных» фактах, привлечших внимание иностранных корреспондентов. Через посредство рукописных курантов в России познакомились с религией, правами и обычаями жителей Западной Европы.

В переводе «немецкой тетради о вестях из Венгрии, Австрии, Германии, Чехии и других мест» сообщалось, например, что «монс Фронтиснак, которой к новой королевной Флоренцеской посолскую грамоту от французского короля привез, и он ныне в пятницу приехал назад, а целовал де у папы ноги и дела свои папе объявил и от него не мешкая в Францовскую землю поехал и тамо дела свои совершил».⁷ Здесь упоминался и «цесарское величество», который обменялся грамотами с Флоренским королем.

Не исключено, что в описании Флоренского государства в «Гистории о российском матросе Василии Кариотском» сказано знакомство русского автора с рукописными курантами. Об этом свидетельствуют некоторые эпизоды повести, и в частности описание первой встречи российского матроса Василия с цесарем: «Потом приехал и цесарь к церкви, и вшел в церковь, и увидев Василия в богатом убранстве, и, чая каков приезжий царевич или король, тотчас призвал к себе камергера, которому спросить приказал его, что за человек <...> Которой выслушав камергер и цесарю объявил. И как отслушав церковное пение, то цесарь просил к себе российского матроса. И российский матрос, поклонясь цесарю, и обещал быть, его величеству поклон отдать. И цесарь поехал во дворец свой, а Василий остался в церкви для некоторой своей богу должности.

Потом поехал к цесарю во дворец. Приехал и принят был от цесаря с великою славою, подобно яко некоего царевича. И как вошли внутрь царских палат, в палату убранную, в которой был поставлен стол со всем убранством и кушаньем, потом цесарь стал российского матроса сажать за стол кушать».⁸

Придворный быт саксонского двора нашел отражение в рукописи курантов 1621 г. (без начала текста): «...всякой особно молитву и благодарене богу воздал после наказанья ис церкви

⁷ Вести-куранты, с. 25. — Упрощение орфографии: замена ѣ — е, ѡ — я, і — и, исключение ъ в конце слов и расстановка знаков препинания — произведено нами.

⁸ Русские повести первой трети XVIII века. Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1965, с. 200.

вышли. А в то церкве у того наказания и пенья был сам курфюрст и его кнеиня и курфюрстова мат вдова кнеиня Анна Саксенская и со всеми шляхотными женским цолом. Тут же в церкви был арцух Карл Фредерих Мунстербергский начальной шлеизенской посол и иные шлеизинские посланные и арцуха Мунстербергскаго думные и приказные люди и стол много шляхотных и всяких людей было, что было невозможно всем людям в церкви устави́ться. И выпед ис церкви всякой к себе пошел <...>, а курфюрст Саксенский <...> ними своими <...> а его курфюрсто(ва) милость особно один сидел за столом в шлате отлас черной выстеган золотом и имел у себя рашиер позлаченный, подале от курфюрста по левой стороне курфюрста гораздо подале место уготовано было и тут сел арцух Карл Мунстербергский и с ним сели иные шлеизенские посланники, а было их пятеро».⁹

Можно привести множество примеров того, как самые разнообразные сведения переводных «вестовых писем» оказались использованными анонимными авторами русских повествовательных сочинений первых десятилетий XVIII в. Рассказы о военных действиях, о быте «мальтийских кавалеров» (в «Истории о российском кавалере Александре»), о придворных обычаях двора «аглинского» короля (в «Истории о некоем шляхецком сыне»), вероятно всего, имеют своим источником известия рукописных курантов.

Петровские «Ведомости», печатание которых началось, как известно, с 1702 г., продолжили традицию рукописных курантов XVII в. Но в «Ведомостях» начала XVIII в. большее место заняли известия естественнонаучного характера (отвечавшие потребностям своего времени), и значительно меньше внимания было уделено описаниям придворного быта западноевропейских дворов. Поэтому можно думать, что авторы русских повестей первых десятилетий XVIII в. в описании иноземных придворных церемоний и обычаев черпали материал из переводных рукописных курантов XVII в. Несмотря на то что куранты существовали в ограниченном количестве, они все же были достаточно распространены. В сборниках XVII—XVIII вв. сохранились списки известий, почерпнутых из курантов.¹⁰ Отдельные листы попадали и в руки простых людей. Об этом свидетельствуют материалы одного из судебных дел 1642—1643 гг. Так, например, при обыске в сених и в избе, произведенном у стрельчихи Катеринки Андреевой дочери, в «коробке» нашли «письмо» с вестями.¹¹ Кроме того, можно думать, что к созданию повестей могли быть причастны лица, связанные с Посольским приказом или Разрядной канце-

⁹ Вести-куранты, с. 51.

¹⁰ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903, с. 246—247.

¹¹ Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Издание подготовили С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968, с. 271—272.

лярией, располагавшие не случайными экземплярами курантов, а подборкой этих переводных «вестовых писем», комплекты большей части которых сохранились до настоящего времени в ЦГАДА¹² (куда вошел фонд Посольского приказа).

Характер источников определил литературный стиль повестей начала XVIII в., отличающийся крайней пестротой языковых «пластов». Наряду с любовной фразеологией, почерпнутой из переводных романов, здесь присутствует язык деловой прозы с его стремлением к сдержанности и лаконизму.

На формирование общелитературного языка начала XVIII в. язык Посольского приказа оказал значительное влияние. И это отчетливо представлял Петр I, сознательно ориентировавшийся на этот процесс. В 1717 г. И. А. Мусин-Пушкин писал Федору Поликарпову, исходя из мнения самого Петра: «Посылаю к тебе и географию переводу твоего («Географию» Г. Варения, — Г. М.), которая за неискусством либо каким переведена гораздо плохо: того ради исправь хорошенько не высокими словами словенскими, но простым русским языком <...> Со всем усердием трудися и высоких слов славенских класть не надобясь, но Посольского при ка зу у по т ре би сло ва».¹³

Приступая в начале 40-х годов XVIII в. к созданию «Российской грамматики», Ломоносов изучал «Ведомости»,¹⁴ сознавая, что в языке деловой прозы нашли отражение прогрессивные тенденции в развитии русского литературного языка.

Составители русских повестей начала XVIII в., обратившиеся к переводным курантам как источнику фактических сведений о западноевропейских странах, сохранили литературный стиль этих деловых «вестовых писем», отразив и с этой стороны характерные черты петровской эпохи.

---

¹² Вести-куранты, Введение, с. 15—16.

¹³ Русский архив, 1868, № 7—8, стб. 1054—1055 (разрядка наша, — Г. М.).

¹⁴ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, с. 767.